

Музыка и судьба

Tatiana RIMSKAYA-KORSAKOVA A family chronicle in letters, memoirs and documents

In the article proposed, some pages from memoirs written by Tatiana Rimskaya-Korsakova are published for the first time. These fragments tell about hard and terrible days of the siege of Leningrad, about the life of Nikolay Rimsky-Korsakov's descendants in the besieged city and in evacuation, thus restoring the life geography of the Rimsky-Korsakovs family in the times of war. They include the stories about 'survival during the siege', about saving Nikolay Rimsky-Korsakov's archive and furnishing components of his apartment. The memoirs reflect also some remarkable details of celebrating Rimsky-Korsakov's centenary in 1944.

Key words: Tatiana Rimskaya-Korsakova, Nikolay Rimsky-Korsakov, the Great Patriotic War, siege of Leningrad, the Rimsky-Korsakov apartment museum, the centenary of Nikolay Rimsky-Korsakov.

Татьяна РИМСКАЯ-КОРСАКОВА «Семейная хроника» в письмах, воспоминаниях и документах

В настоящей статье впервые публикуются страницы воспоминаний Татьяны Владимировны Римской-Корсаковой. Они рассказывают о тяжелых и страшных днях Ленинградской блокады, о жизни потомков композитора в осажденном городе и в эвакуации, восстанавливают географию жизни семьи Римских-Корсаковых в военное время. Это истории «блокадного выживания», спасения архива композитора и сохранения мемориальных предметов. В памяти Татьяны Владимировны оказались запечатлены и подробности празднования 100-летия со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова.

Ключевые слова: Т. В. Римская-Корсакова, Н. А. Римский-Корсаков, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, юбилей, музей.

В удивительной семье Римских-Корсаковых существует неразрывная связь и преемственность поколений. Дети композитора, а затем и внуки считали, что они могут и обязаны восстановить в памяти и подробно зафиксировать все, что было связано с жизнью и творчеством Николая Андреевича Римского-Корсакова.

Заботой и вниманием потомков композитора были окружены все три музея: Дом-музей в Тихвине, Мемориальный музей-квартира в Петербурге, Музей-заповедник Любенск-Вечаша. Татьяна Владимировна Римская-Корсакова, внучка композитора, с поразительной энергией и настойчивостью добивалась точности восстановления интерьеров при создании музейных экспозиций. При ремонте и реконструкции зданий всегда учитывались и были особенно ценными ее профессиональные советы как архитектора. Уже после открытия музея на Загородном проспекте в 1971 году Татьяна Владимировна продолжала пополнять мемориальную коллекцию, преподнося в дар ценные материалы, редкие фотографии, архив своего отца — Владимира Николаевича. В ее выступлениях на ежегодных музыкальных вечерах, посвященных открытию концертного сезона и дню рождения композитора, всегда находились интереснейшие штрихи к летописи жизни великого композитора; было то, что невозможно прочитать ни в одном монографическом исследовании

о Римском-Корсакове; то, что знают и хранят лишь потомки композитора, передавая из уст в уста «семейные рассказы».

Сотрудники Мемориального музея-квартиры Н. А. Римского-Корсакова имели счастливую возможность долгого общения с Татьяной Владимировной — с момента открытия музея и до 2006 года. Удивительно было наблюдать, с какой энергией она работала последние годы: писала статьи, письма, создавала «Семейную хронику»¹. Мог ли этот материал стать продолжением, третьей частью уже изданных книг «Из семейной переписки»²? Готовила ли его Татьяна Владимировна к публикации? Возможно, это было желание только для семьи и самых близких людей воскресить и бережно сохранить в памяти факты, оставить запечатленными в словах события и линии жизни потомков разветвленного рода композитора.

Фрагменты третьей части Хроники, летописи военного времени, публикуются впервые³. Особая благодарность и признательность Веронике Всеволодовне Прокофьевой, дочери Татьяны Владимировны, за возможность прикоснуться к блокадным страницам семейной истории и за участие в подготовке этой публикации. Издание посвящено 100-летию со дня рождения Т. В. Римской-Корсаковой (1915–2006) и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Татьяна Владимировна всю блокаду прожила в Ленинграде, была награждена орденом «Знак почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За оборону Ленинграда».

Н. Костенко

Часть 3 Год 1941

22 июня радио разнесло по всей стране страшную весть... Оля⁴, которой предстояло через 4 месяца снова родить, взяв с собой Игоря⁵, уехала в конце июля с семьей Алексея Евграфовича Фаворского⁶ в курорт Боровое в Казахстане. Туда эвакуировались многие академики со своими семьями. Они ехали туда прямым поездом 9 дней.

Неожиданно выяснилось, что Физико-технический институт А. Ф. Иоффе собирается эвакуироваться в Казань, и всем сотрудникам предлагается ехать туда со своими семьями. Андрей⁷ стал настаивать на таком варианте, в связи с чем Владимир Николаевич⁸ поехал 4 июля в Мерёво, и оттуда все вернулись в город, где и стали ждать, когда будут проведены необходимые для эвакуации формальности.

Я была категорически против эвакуации и оставления квартиры на произвол судьбы. Мне представлялось, что война не может быть затяжной, что трудное время скоро пройдет, и все будет опять хорошо.

По настоянию, главным образом, Андрея было все же решено, что он, мама⁹, папа, Алек¹⁰ и Татуся¹¹ поедут с Физико-техническим институтом в Казань. Они уехали 2 августа.

Перед отъездом Владимир Николаевич целый месяц ничего не записывал. Он взялся за свой дневник лишь 3 августа, на следующий день после того, как их поезд отправился из Ленинграда. Они ехали больше недели.

Михаил Николаевич¹² пока не хотел никуда уезжать и оставался с Сашей¹³ в городе.

Вся семья Штейнбергов, за исключением Мити¹⁴, имевшего образование зоолога, но причастного и к медицине, а потому призванного по медицинской части, эвакуировалась с Ленинградской консерваторией в Ташкент.

¹ «Семейная хроника» охватывает период с 1908 по 1959 годы. Это повествование Татьяна Владимировна посвятила светлой памяти своей мамы — Ольги Артемьевны Гиляновой.

² *Римская-Корсакова Т. В.* Детство и юность Н. А. Римского-Корсакова (из семейной переписки). СПб: Композитор, 1995; *Римская-Корсакова Т. В.* Н. А. Римский-Корсаков в семье (из семейной переписки). СПб: Композитор, 1999.

³ Несколько эпизодов блокадных воспоминаний были прочитаны в Музее-квартире 31 января 2015 года на торжественном вечере, посвященном юбилейной дате, — 100-летию со дня рождения Т. В. Римской-Корсаковой.

⁴ Ольга Михайловна Римская-Корсакова (1914–1987) — геолог-минералог, внучка композитора.

⁵ Игорь Алексеевич Фаворский (1939–1990) — физик; правнук композитора, сын О. М. Римской-Корсаковой и А. А. Фаворского.

⁶ Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) — химик-органик.

⁷ Андрей Владимирович Римский-Корсаков (1910–2002) — физик-акустик, внук композитора.

⁸ Владимир Николаевич Римский-Корсаков ((1882–1970) — юрист, скрипач, автор работ о Н. А. Римском-Корсакове, хранитель семейного архива; сын композитора.

⁹ Ольга Артемьевна Римская-Корсакова, урожд. Гилянова (1887–1956) — жена В. Н. Римского-Корсакова.

¹⁰ Александр Андреевич Римский-Корсаков (р. 1936) — физик, правнук композитора.

¹¹ Татьяна Александровна Каменская (1914–1998) — жена Андрея Владимировича Римского-Корсакова.

¹² Михаил Николаевич Римский-Корсаков (1973–1951) — энтомолог, сын композитора.

¹³ Саша — домработница в семье Римских-Корсаковых.

¹⁴ Дмитрий Максимилианович Штейнберг (1909–1962) — биолог, внук композитора.

Поздней осенью, когда налеты немецких самолетов участились, мы, т. е. дядя Миша, Всеволод¹⁵ и я с Никой¹⁶, стали по вечерам спускаться в квартиру Штейнбергов¹⁷ и там и ночевали, так как немецкие бомбежки происходили, главным образом, по ночам. Потом и вовсе остались там жить. Считалось, что 2-й этаж безопаснее, чем 4-й.

Один, максимум два раза мы спускались в бомбоубежище, устроенное в подвале нашего дома в помещении бывшего «Красного уголка». Но потом перестали им пользоваться, так как прошел слух, что наоборот, внизу может завалиться так, что не выберешься.

На время своего пребывания в квартире Штейнбергов мы открывали настежь окна своей квартиры с западной ее стороны, как это рекомендовалось для сохранности оконных стекол. В начале осени это было ничего, а позднее, когда стало холодно, мы очень сильно перестудили всю свою квартиру и тогда решили вернуться к себе и окна закрыть.

Открыткой от 7 октября Михаил Николаевич сообщил в Казань Андрею, что его рояль, оставшийся в квартире Татуси на Бронницкой улице, придется перевезти к нам. В тот дом попал снаряд, часть дома разрушена, и имеются трещины, так что рояль там оставлять опасно. Перевозкой рояля занялся дядя Миша, что стоило ему порядочных усилий и денег, но все же рояль был к нам доставлен; его поставили в комнате папы.

Из письма Татьяны Владимировны, октябрь:

«Тетя Соня¹⁸ у себя, Гога¹⁹ с Шурой²⁰ теперь стали приходить к дяде Мише и остаются на ночь».

В начале ноября мы все еще жили в квартире Штейнбергов, где стали прибавляться посторонние жильцы. На кабинет дяди Макса²¹ и столовую получила ордер жена одного из генералов, но заняла лишь кабинет. Дядя Миша переселился в комнату Мити, а мы со Всеволодом и Никой продолжали жить в столовой. Еще поселился какой-то бывший дворник.

Мы бывали в нашей квартире, где оставалась Саша и наши попугайчики, для которых еще оставался небольшой запас их корма — проса. Ночью с 5-го на 6-е ноября в нашу квартиру пробралась кошка и умудрилась съесть самого красивого голубого попугайчика.

К началу декабря нам до того надоело жить не у себя, что и мы, и дядя Миша перебрались наверх, в свою квартиру. К тому же в квартире Штейнбергов

были выбиты окна. Дядя Миша обосновался в комнате папы, а мы втроем вернулись в нашу маленькую, что рядом с гостиной.

С декабря в Ленинграде начался самый голодный период, когда есть стало практически нечего. Хлеба стали выдавать по 125 гр. на человека. На наши две иждивенческие и одну детскую карточки просуществовать было невозможно.

Алеша²², который изредка навещал нас, предложил Михаилу Николаевичу переехать в университетскую квартиру Фаворских, где оставалась их домработница Катя.

Алешино предложение пришлось очень кстати, тем более, что в квартире Фаворских Мария Маркеловна²³ оставила порядочный запас продуктов, которыми Катя могла Михаила Николаевича подкармливать. Он переехал туда 24 декабря.

Его переезд имел печальный, характерный для Ленинграда той поры, вид. Его посадили на детские санки и так везли всю дорогу на Васильевский остров все втроем — Всеволод, Катя и Саша.

Мы же со Всеволодом стали весьма интенсивно превращаться в настоящих дистрофиков. Я так приготавливала нам еду — варила нормальную кашу для Ники, а для нашего «обеда» использовала все, что мы могли найти в квартире съедобного. Но этого съедобного всегда оказывалось в мизерном количестве.

Наши попугайчики стали погибать, так как запас проса у нас кончился, о его покупке не могло быть и речи, а другого они ничего не ели, даже хлебных крошек. Пришлось, скрепя сердце, пойти на то, что последняя пара этих птичек была нами съедена. Но они были такие маленькие, что сваренный из них бульон был весьма жидким, а их мяса могло хватить разве что на аппетит Ники.

Мы стали выяснять, какие из растений Владимира Николаевича могут быть использованы в пищу. Оказалось, что имевшиеся в довольно большом количестве алоэ, на которые мы надеялись, были нам совершенно противопоказаны. Пришлось от использования алоэ отказаться.

Единственное, что нам удалось употребить для приготовления «супа», это — кактусы с плоскими листьями и сравнительно небольшим числом на них иголок. Эти иголки я удаляла и нарезала листья кактусов тонкими полосками (как лапша), и из них и большого количества воды у меня получался «суп». Но таких кактусов было

¹⁵ Всеволод Петрович Якимов (1912–1982) — антрополог, муж Т. В. Римской-Корсаковой.

¹⁶ Вероника Всеволодовна Прокофьева (р. 1940) — генетик, правнучка композитора, дочь Т. В. Римской-Корсаковой и В. П. Якимова.

¹⁷ Адрес: ул. Маклина, 26, кв. 15. В этой квартире до Штейнбергов жил И. Ф. Стравинский.

¹⁸ София Николаевна Римская-Корсакова (1875–1943) — дочь композитора. Жила по адресу Загородный пр., 28, кв. 48. В современной нумерации — кв. 71.

¹⁹ Георгий Михайлович Римский-Корсаков (1901–1965) — композитор, внук Н. А. Римского-Корсакова.

²⁰ Александра Алексеевна Позднеева (1909–1990) — жена Г. М. Римского-Корсакова.

²¹ Максимилиан Осеевич Штейнберг (1883–1946) — композитор, зять Н. А. Римского-Корсакова.

²² Алексей Алексеевич Фаворский (1914–1943) — геолог, муж О. М. Римской-Корсаковой.

²³ Мария Маркеловна Фаворская, урожд. Домброва (1877–1960) — жена академика А. Е. Фаворского.

лишь два небольших, так что и такой «суп» я смогла сварить раза 2–3.

Кто-то нам сказал, что можно делать студень из столярного клея. В оставшемся хозяйстве Владимира Николаевича мы нашли одну плитку хорошего столярного клея и, конечно, использовали ее по рекомендованному странному назначению. Казалось, что даже вкусно. Но, как и кактусов, этой плитки хватило на 2–3 раза.

Помню, что во время пребывания в квартире Штейнбергов, где мы не только спали, но что-то все же ели (что получали по карточкам), я решила копить хлебные крошки, чтобы потом что-нибудь из них приготовить. Но я складывала их в жестяную коробку, предварительно не просушив. Вскоре, когда их уже сколько-то накопилось, я обнаружила, что они все насквозь проплесневели. Пришлось их выбросить. Это было еще более или менее в начале голодного периода, а если бы позднее, то я наверняка бы их не выбросила и нашла бы способ использовать в еду.

От Михаила Николаевича было в Казани получено письмо, которое шло 10 дней. В нем он сообщал, что «Соня претерпела неприятности». Боясь писать открыто о случившемся, дядя Миша сильно наших озадачил. Папа стал гадать, что за неприятности могли обрушиться на тетю Соню.

А дело заключалось в следующем. Софья Николаевна оставалась в Ленинграде с дочерьми, Ирой²⁴ и Лилей²⁵, и с таким же маленьким как Алек своим внуком (сыном Иры) — Кириллом²⁶. Муж Иры, Капитон Васильевич²⁷, находился тогда на фронте.

В осажденном Ленинграде усилилась слезка за людьми и доносительство в связи с поиском «шпионов». Сексоты старались вовсю, так что досталось многим, притом совершенно ни в чем неповинным людям. Один из подобных негодяев, возможно, кто-то из сослуживцев Лили, работавшей рентгенологом в поликлинике, донес на нее невесть что, и ей вместе с матерью Софьей Николаевной было предписано немедленно покинуть Ленинград.

Лиля носила фамилию отца — Троицкая, а тетя Соня после развода вернула себе девичью фамилию. Это помогло ей как Римской-Корсаковой, дочери композитора, выхлопотать разрешение остаться в Ленинграде. Иру не трогали как жену фронтовика. Лиля же была выслана на Север. Когда ее посадили в поезд, она была сильно истощена, а в вагоне она заболела сыпняком, и ее ссадили в Тюмени, где она и умерла. Понятно, что открыто писать о ее высылке Михаил Николаевич боялся.

Год 1942

«Дорогая Ольга Артемьевна, — писал дядя Миша 22 января, — очень плохо сейчас с письмами, не получается ничего от вас и других, должно быть и мои письма не доходят. Я чувствую себя ничего, сплю неважно. К сожалению, прописанного лекарства нет нигде. А вот Гога ослабел, надо ему лежать. Вообще здоровье многих ухудшилось».

Через семь дней:

«Говорил по телефону с Алешей. Для меня возможно иногда пользоваться телефоном, так как он находится в комнате, где живет ректор Университета. Говорил тоже с Воликом²⁸ по телефону Дома Радио, он все там работает. И он, и Юл. Лаз.²⁹ чувствуют себя неважно. Сейчас плохо с водой, трубы всюду замерзли».

В середине января наша Сашенька, уже у нас не жившая, устроила нам «подарок». Она зашла к нам и предложила получить по нашим карточкам, заодно со своей, хлеб, чтобы нам на улицу не выходить. Мы согласились. Но вскоре она вернулась со слезами на глазах и сказала, что карточки у нее украли, никакого хлеба она не купила.

Как нам посоветовали, мы написали куда-то заявление с просьбой о восстановлении наших карточек, так как оставалось еще недели две до получения новых, февральских. Но оказалось, что таких заявлений очень много, что невозможно установить, кто действительно их лишился, а кто хочет таким способом получить дополнительные карточки. Поэтому никому их не восстанавливали, и нам пришлось ждать получения в общем порядке карточек на следующий месяц.

Из письма Михаила Николаевича в Казань:

«Шура, можно сказать, поставила на ноги до известной степени Гогу, благодаря своей энергии. Гога завтра будет помещен в Военно-морской госпиталь. Сам факультет уехал в Ташкент недавно».

Дядя Миша имел в виду Военно-Морской факультет Консерватории. Об этом записал Владимир Николаевич, получивший письмо от Штейнбергов из Ташкента:

«Факультет ехал ровно месяц, выехав 2-го февраля. Ехали на грузовом автомобиле до какой-то станции в 36-ти километрах за Мгой, а дальше на поезде. Но в каких условиях — это ужас. На грузовик не дали возможно».

²⁴ Ирина Владимировна Головкина, урожд. Троицкая (1904–1989) — литератор, автор романа «Лебединая песнь»; внучка композитора.

²⁵ Людмила Владимировна Троицкая (1905–1942) — внучка композитора.

²⁶ Кирилл Капитонович Головкин (1936–1969) — математик, правнук композитора.

²⁷ Капитон Васильевич Головкин (1885–1942) — царский офицер, Георгиевский кавалер; в советское время — инженер-технолог.

²⁸ Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (1914–1942) — филолог, переводчик; внук композитора, сын Ю.Л. Вейсберг и А.Н. Римского-Корсакова.

²⁹ Юлия Лазаревна Вейсберг (1978–1942) — композитор, жена А.Н. Римского-Корсакова.

сти взять ни единой вещицы. Даже мыла и полотенца в дороге не было. Спали, т. е. совсем не могли спать, на голых досках, без подушек и одеял. Измучились до последней степени. Выехали уже изнуренные голодом и прочими невзгодами и целый месяц страдали в пути, хотя на эвакуационных пунктах их хорошо кормили».

Сведения о голоде в Ленинграде нет-нет да доходили до наших казанских изгнанников; то через кого-то вырвавшегося из Ленинграда, то из чьих-то писем, только не от нас.

Можно себе представить, какие страхи за нас, оставшихся в Ленинграде, испытывали мои родители при получении такого рода сведений. Они понимали, что бодрый тон моих писем не соответствует действительному положению дел. Поэтому длительное отсутствие от нас писем действовало на них удручающе. Я же, чувствуя, что они волнуются за нас, послала им телеграмму: «Здоровы благополучно».

Но успокоились они не до конца, так как телеграмма шла 12 дней, за которые мало ли что могло еще случиться. Чувство тревоги за нас оставалось у них все время, тем более, что до них постоянно доходили сведения о гибели от голода многих наших знакомых и родственников.

Им стало известно о смерти Олега³⁰ и Андика³¹ Римских-Корсаковых. Андик умер, видимо, от дистрофии, а Олег, как стало потом известно от одной женщины, приехавшей из Ленинграда в Казань и хорошо знавшей Олега, будучи помещен в госпиталь, погиб от несчастного случая. Он выпил по ошибке какое-то ядовитое наружное лекарство и отравился, в то время как уже начал от дистрофии поправляться.

Пришли известия о смерти Николая Дмитриевича Чернова, Соколова (совсем молодого скрипача из Александринки), Ив. Як. Билибина, Волика Римского-Корсакова, а вскоре вслед за ним и тети Юли. Она, видимо, немного «тронулась», в связи со смертью Волика, и была помещена в клинику быв[шую] Николая Чудотворца³², но оттуда, не будучи замечена, вышла и где-то на улице замерзла и умерла.

Жертвой пожара оказался давнишний приятель Владимира Николаевича, Аркадий Александрович Сазонов, виолончелист. Он не смог выбраться из горевшего дома.

Михаил Николаевич писал в Казань 3 мая:

«Обстрелы и бомбежки сильные, очень действуют на нервы. У Гоги просто беда: над их квартирой, в 5-м этаже, попали снаряды, у них все стекла разбиты, потолок обваливается, нельзя оставаться в квартире».

Я стала думать о том, что пора мне устраиваться на работу, чтобы получить «рабочую» карточку с наибольшей нормой хлеба.

И вот, с мая месяца я начала преподавать рисование в средней школе № 252 на Крюковом канале, в той самой, где раньше была гимназия Человеколюбивого Общества с церковью, в которой венчались мои родители. Эта церковь, как и все домовые церкви, была, конечно, в советское время уничтожена.

В середине мая Михаил Николаевич побывал на квартире³³ Андрея Николаевича³⁴, оставшейся после смерти Волика и тети Юли без присмотра, и, конечно, разграбленной. Дядя Миша писал в Казань:

«Был я с Гогой на квартире Юл. Лаз. — ужасное впечатление разгрома. Счастье еще, что папины ноты уцелели, просто поверить не могу. Все это ужасно. Теперь надо спасти наиболее ценное, т. е. книги, письма, ноты. Очень все трудно».

19 мая папа получил открытку от дяди Миши, который делал доклад о Николае Андреевиче в Институте театра и музыки, и видел там Гогу Р.-К. Пока Гога находился в госпитале, он сочинял там романсы и обработал мелодию колыбельной песенки Софьи Васильевны³⁵ для голоса и фортепиано. Дядя Миша сообщал, что из семьи Петра Воиновича³⁶ осталась в живых только Миля³⁷ (Милица Петровна, моя троюродная сестра, архитектор).

Моя проба в преподавании рисования в школе прошла успешно. Это была школа для мальчиков (в то время было отдельное обучение девочек и мальчиков). Я занималась там с младшими классами, и, естественно, все мальчишки были увлечены военной тематикой. Настолько, что какое бы я им ни давала задание, они часто по собственной инициативе переходили к изображению на страницах своих тетрадей или листов бумаги различных картин войны — с пушками, самолетами, танками, изображали бомбежку с самолетов, обстрелы.

При этом самый процесс рисования этих картин шел со звуковым сопровождением. Пока карандаш про-

³⁰ Олег Петрович Римский-Корсаков (1906–1942) — дирижер, филолог; внук Воина Андреевича Римского-Корсакова (старшего брата композитора).

³¹ Андрей Петрович Римский-Корсаков (1897–1942) — биолог; внук В. А. Римского-Корсакова.

³² Ныне — Городская психиатрическая больница святого Николая Чудотворца.

³³ Адрес: Суворовский проспект, 48.

³⁴ Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878–1940) — музыковед, автор работ о Н. А. Римском-Корсакове, хранитель семейного архива; сын композитора.

³⁵ Софья Васильевна Римская Корсакова (1802–1890) — мать композитора.

³⁶ Петр Воинович Римский-Корсаков (1861–1927) — племянник композитора, сын Воина Андреевича. Римского-Корсакова и Марии Федоровны, урожд. Бауэр. Продолжил морскую династию, имел чин контр-адмирала. Был женат на М. Г. Бутаковой (1866–1942), дочери адмирала Г. И. Бутакова. В семье было шестеро детей: Воин, Марина, Григорий, Андрей, Милица, Олег.

³⁷ Милица Петровна Римская-Корсакова (1902–1986) — внучка В. А. Римского-Корсакова.

«Семейная хроника»

черчивал линию полета бомбы или снаряда, слышалось: «вв-вв-вв..», а при попадании в цель: «бум!..», и тогда изображался взрыв. И так почти весь класс!

2 июля тетя Соня написала в Казань коротенькое письмо.

«Дорогие, дорогие мои, милые Володя, Оля и маленький Алик, целую вас крепко. Володя, я письмо твое получила, спасибо. Сама не писала и не пишу — как-то не могу. Умерла моя Лиля. Умерла от дизентерии, умерла вдали от нас с Ирой. Больше писать сейчас не в состоянии. Простите. Соня».

Дядя Миша уехал не 12-го июля, а немного позже. Перед отъездом он заходил к нам на Маклина³⁸, и при нем его комната была опечатана, чтобы никто не мог на нее посягнуть. Так она и простояла опечатанная до его возвращения.

Но в ближайшую же зиму из-под двери, соединяющей папину комнату (в которой зимой я жила с Никой) с комнатой дяди Миши, стало нести холодом, и внизу под этой дверью даже образовывался иней, так как одно окно в дяди Мишиной комнате оказалось разбитым.

Из-за опечатанной двери мы не могли туда попасть, чтобы его заделать, и нам пришлось избрать другой путь. Прошли в комнату дяди Миши через дверь из нашей комнаты, благо тогда она еще не была зашита фанерой, как теперь. Заделали дыру в окне, снова закрыли нашу дверь и, чтобы меньше дуло из неотапливаемой комнаты дяди Миши, завесили ее паласом (который теперь находится в Музее-квартире Н.А., так как этот палас из его кабинета³⁹) и заткнули все щели тряпками.

В начале августа папа получил от дяди Миши очередное печальное сообщение, о том, что на фронте убит Капитон Васильевич Головкин — муж Иры.

Год 1943

По просьбе папы я побывала 26-го⁴⁰ у Оссовского и обстоятельно поговорила с ним относительно возвращения родителей в Ленинград. Оссовский советовал подождать приезда из Москвы Бориса Ивановича Загурского (тогда — председателя Комитета по делам искусств Ленинграда) и переговорить с ним, так как считал, что Загурский пойдет в вашем деле навстречу.

Оссовский показывал мне план проведения 100-летнего юбилея, посвященного Николаю Андреевичу, в котором намечалось ряд работ поручить папе, и он как сын композитора был включен в члены юбилейного комитета.

В Ленинграде в Институте Театра и Музыки 21 июня было устроено заседание в память о Николае Андреевиче (в день 35-й годовщины его кончины), и тетя Соня выступала на этом заседании со своими воспоминаниями. Ее выступление всем очень понравилось, она очень просто и живо рассказала о разных эпизодах жизни отца, о своем общении с ним, особенно в период сочинения им «Кашея»⁴¹, когда она помогала ему в составлении текста либретто.

В Москве Андрей⁴² пробыл меньше суток, никого не видел и сразу выехал в Казань, даже не успев телеграфировать о своем приезде. Сначала он довольно отрицательно отнесся к идее о переезде родителей в Москву. Но, прожив три дня в их обстановке, решил хлопотать об этом.

Известие об увеличившейся активности немцев под Ленинградом усиливало беспокойство наших «казанцев» за нас. Владимир Николаевич писал нам об их переживаниях. Всеволод же отвечал на это:

«Но что значат 10–20 немецких снарядов по сравнению с теми победами, которые одерживает наша Армия на фронтах. Несмотря на обстрелы, в городе все живет бодрой жизнью: ходят трамваи, останавливающиеся только от порыва проводов снарядами, в кино много народу, театры работают вовсю, в залах гремит музыка Чайковского, Н.А., Бородина, Моцарта, Кальмана, Оффенбаха. Сотни людей смотрят „Стакан воды“, „Русские люди“, „Суворов“, только прерывая эти зрелища на время обстрела и уходя в бомбоубежище.

Все к этому привыкли, как к дождю. На днях здесь будет концерт Балабиной, Дудинской и Сергеева. Солирует Юдина, Каменский. Поет Нечаев в „Онегине“ и Сорочинский в „Пиковой“.

Все веселятся, и только громадное число наших самолетов, летящих на задание, показывают силу ударов по немцам».

Настал счастливый день — 11 сентября родители получили пропуска на въезд в Москву. На следующий день Владимир Николаевич записал об этом так:

«Вчера утром пошли с Аликом на ул. Комлева получать томаты и огурцы. По дороге, переходя улицу, заме-

³⁸ Маклина, 26 (ныне — Английский проспект), кв.20. В этой квартире жил певец И.В. Ершов. С лета 1915 года ее заняла семья В.Н. Римского-Корсакова.

³⁹ Палас находился в мемориальном кабинете первые годы работы музея. В настоящее время хранится в Мемориальном отделе Фондов Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства.

⁴⁰ 26 апреля.

⁴¹ Клавир оперы «Кашей бессмертный» с автографом Римского-Корсакова «Соне за всё» сначала был передан потомками в Дом-музей композитора в Тихвине. Затем, после открытия музея на Загородном проспекте, подаренный Т.В. Римской-Корсаковой клавир «Кашей бессмертного» был заменен на клавир с автографом. Этот экземпляр и представлен в экспозиции Мемориального музея-квартиры.

⁴² Андрей Владимирович Римский-Корсаков — см. сн. 7.

тил подкову, но постеснялся ее поднять, и прошел мимо. Овощей не получил, протащился зря. Возвращаясь, увидел подкову лежащей на том же месте. Подумал, что судьба мне взять ее, так как она меня дождалась.

Говорят, что найти подкову — счастье. У меня в Ленинградской квартире накопилось несколько штук, и они повешены, как помнится, над входной дверью. Подкову я поднял и принес домой. Когда я прошел мимо нее, то была неудача — овощей не оказалось. Теперь же счастье привалило: в 5 ч. я пошел за обедом и хлебом в Институт, и вдруг Ел. Ник. Харкевич передает мне пакетик и письмо от Андрея, которые привез Ал. Ал. Харкевич⁴³. В конверте, кроме письма — пропуска, литер на билеты и удостоверение! Значит, едем в Москву!»

Вот это — действительно была радость!

В октябре уже начал действовать учрежденный Правительством Всесоюзный юбилейный комитет по празднованию 100-летия со дня рождения Николая Андреевича. Папа стал принимать участие в работе этого комитета. В него вошли: Мясковский (Председатель), Нежданова, Яблочкина, Качалов, Москвин, Шостакович, Шапорин, Прокофьев, Кабалевский, Шебалин, Толстой, Федоровский и многие другие.

Год 1944

Владимир Николаевич записал в своем дневнике⁴⁴:

«Радостно, конечно, читать, что немцев отогнали, но чего это стоило. Погибли дворцы Царского, Павловска, Петергофа, Гатчины, погибли парки, сожжены города и деревни. Все приходится читать в сводках знакомые мне названия ж.-д, станций, поселков и деревень — Тайцы, Молосковицы, Ястребино, Суйда, Прибыtkово, Сиверская и т.д. Скоро будет и Луга, Плюсса, Толмачево. Но какая грусть думать о разорении родных мест!»

Спустя некоторое время, прослушав очередную сводку военных событий, Владимир Николаевич снова записал:

«Вчера и сегодня в сводках все родные места: Плюсса, Петрилово, Которск, Любенск, Окрино, Запесенье, Звягино, Милютино, Крицы, Заполье. Что-то от них осталось, и кто из Любенских и Запесенских земляков еще существует?»

В Москве намечалось широкое празднование 100-летия со дня рождения Николая Андреевича. В его програм-

му, кроме Торжественного заседания (с музыкальной частью) в Большом театре, были включены спектакли и концерты, а также была устроена большая выставка в фойе Консерватории, посвященная жизни и творчеству дедушки. Для этой выставки потребовались материалы, которые были в Ленинграде, в частности, целый ряд предметов из нашей квартиры.

Из Москвы⁴⁵ ко мне приехал представитель Юбилейного комитета Борис Васильевич Доброхотов, чтобы получить от меня необходимые для юбилейной выставки вещи. Приехал он с женой, арфисткой. Они были у меня дома и взяли под расписку 27 предметов, в том числе рисунки Врубеля (к «Моцарту и Сальери»)⁴⁶, этюды Любенска и разные портреты. Почти все, что они забрали, пришлось снять со стен папиной комнаты.

В 20-х числах в Москву приехал из Борового Михаил Николаевич.

В Москве 12 марта, как снег нашим на голову, появились Гога с Шурой. Владимир Николаевич записал в дневнике на следующий день:

«Я позвонил к Мише и пока говорил, к нам в квартиру внедрился Гога с носильщиком. Шура приехала несколько позже. Гога сильно похудел, немного поседел, Шура выглядит хорошо. Но прожили в Томске они с трудом, и распродали все, что можно было. Сейчас эти два тюка, это — все их имущество. В Томске ничего не осталось, а в Ленинграде тоже все проедено или погубило в брошенной и разбитой квартире. Они — буквально нищие.

Приехали усталые от дороги и хлопот о пропуске в Новосибирске, грязные и обносившиеся до крайности. Кое-как удалось устроить их на одну ночь».

Приехали в Москву и тетя Надя⁴⁷ с дядей Максом. Им пришлось ехать из Ташкента поездом 6 суток в жестком вагоне без белья и тюфяков. Намучились ужасно.

Владимир Николаевич лишь 20-го взялся за свой дневник:

«17-го был сумасшедший день. А 18-го еще более⁴⁸. Приходили, звонили по телефону, собирались, готовились к вечеру, гладили, стирали, одевались и т.д. На торжественное заседание поехали опять на „пикапе“ с детьми. Едва удалось получить разрешение на пропуск детей. Зато они произвели общий фурор и вызвали всеобщее внимание».

В Большом театре, где проходили торжественное заседание и концерт, семье Римских-Корсаковых с их гостями

⁴³ Алексей Алекеевич Харкевич — сослуживец Андрея Владимировича Римского-Корсакова.

⁴⁴ В конце января.

⁴⁵ В феврале.

⁴⁶ Три рисунка М. А. Врубеля — иллюстрации к «Моцарту и Сальери» А. С. Пушкина. В один из приездов в Петербург автор подарил рисунки Николаю Андреевичу. С тех пор они всегда находились в гостиной. Еще до открытия музея-квартиры В. Н. Римский-Корсаков передал рисунки Врубеля в Русский музей. В мемориальной гостиной они представлены в копиях Е. Б. Пекуровского.

⁴⁷ Надежда Николаевна Штейнберг, урожд. Римская-Корсакова (1884–1971) — дочь композитора.

⁴⁸ 18 марта 1944 года — день празднования 100-летия со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова.

18 марта 1944 года. ГАБТ. Римские-Корсаковы в группе московских и ленинградских композиторов на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова. 1 ряд, слева направо: А.Б. Гольденвейзер, М.О. Штейнберг, М.Н. Римский-Корсаков, С.Н. Василенко, Т.В. Римская-Корсакова, Д.Д. Шостакович. 2 ряд, слева направо: В.И. Мурадели, Ю.А. Шапорин, В.Н. Римский-Корсаков, С.С. Прокофьев, А.И. Хачатурян, Д.Б. Кабалевский. (О расшифровке этой фотографии см.: Соловьев В.Г. История одной фотографии // РМГ. 2005. № 1–2.)

была предоставлена центральная парадная ложа в бельэтаже. Алек в заказанном к этому дню новом костюмчике и Ника в сшитом мной из чего-то старого бархатном платьице с кружевным воротничком сидели в первом ряду этой ложи у всех на виду.

Выглядели они оба, действительно, прелестно, и так и были сфотографированы. Я же сидела со всеми в ложе только во время концерта. Все заседание я просидела в Президиуме, куда меня пригласили не только как Римскую-Корсакову, но и как приехавшую из Ленинграда и с медалью «За оборону Ленинграда».

Я была на сцене Большого театра вместе с Шапориным, Шостаковичем, Хачатуряном, Прокофьевым и другими деятелями искусств.

Надо сказать, что устроенное тогдашним Правительством широкое празднование 100-летия со дня рождения Николая Андреевича, особенно торжественно отмеченное в Большом театре, было актом, достойным большой признательности со стороны членов наших семей. А те из нас, кто смог присутствовать и в Большом, и в других местах на юбилейных мероприятиях, были неизменно окружены вниманием. И надо не забывать, что тогда ведь еще не кончилась война!

Владимир Николаевич был особенно доволен, что исполнялась «Воскресная увертюра» Николая Андреевича, написанная на темы Пасхального церковного обихода, так как именно он предложил включить ее в программу концерта, и это не встретило никаких препятствий, хотя ранее в советское время на ее исполнение был запрет.

Еще будучи на юбилее в Москве, я сидела в Президиуме торжественного заседания в Большом театре рядом с Борисом Ивановичем Загурским и высказала ему свое недоумение, почему в Правительственное постановление по поводу юбилея Н.А. не включено создание в его квартире на Загородном проспекте в Ленинграде музея. Я сказала ему, что в наших семьях есть все необходимые подлинные вещи для восстановления обстановки основных комнат этой квартиры. Загурский тоже тогда посчитал, что это было упущением, и что теперь надо заняться созданием Музея-квартиры помимо того Постановления.

20 апреля я писала в Москву:

«Дорогие мои!

Наконец-то я вам пишу. Была у Загурского, который дал распоряжение оформить вам всем троим вызов в Ленинград. Но дело немного затянулось. По поручению Загурского я была в квартире на Загородном. Там сейчас из 7-ми комнат⁴⁹ сделано 10, и, как нарочно, все они заселены разными хозяевами, и все живут, никто не отсутствует».

И вот, наконец,— первая запись папы снова у себя дома, 20 мая:

«Вчера в 2 ч. дня мы прибыли на пр. Маклина, в свою квартиру!!

Эвакуация кончилась. Отсутствовали из Ленинграда 1021 день».

Публикация подготовлена Н. Костенко

⁴⁹ В квартире на Загородном проспекте при жизни семьи Римских-Корсаковых было 9 комнат: 7 жилых и 2 комнаты для прислуги.